

Столяренко Евгений Владимирович

аспирант Новочеркасской государственной мелиоративной академии
тел.: (903) 470-16-80

Проблема молодежного радикализма в России

Аннотация:

В статье молодежный радикализм исследуется в классовом, структурном и ценностном измерениях, в субъектно-деятельностном подходе.

Ключевые слова: экстремальность сознания, молодежный радикализм, молодежные радикальные направления.

В социологической науке Карл Манхейм рассматривал молодежь как группу исторической инициативы: значение молодежи как социально-возрастной группы возрастает в условиях социальных кризисов и масштабных социальных перемен [1, с. 42]. В динамических современных обществах молодежь выступает и резервом развития будущего, и обладает определенными достигнутыми позициями, отличающими ее от других групп. Предупреждая, что возможна ловушка радикализма, Манхейм на примере нацистской Германии утверждает, что молодых людей легко увлечь идеями ее исключительной роли, используя в этом мобилизационный ресурс молодежи для осуществления самых радикальных политических проектов, так как у молодежи еще нет стабильных социальных позиций и интересов, ни экономических, ни ценностных ориентиров, имеющих у большинства взрослого населения. Американская социологическая школа отмечает, что молодые люди в современном обществе, обречены на «раздвоение» личности, которое выражается в том, что существуют определенные жесткие социально-возрастные рамки, регулирующие этапы социально-профессиональной карьеры. С другой стороны, молодые люди явно взрослеют и тяготеют к опеке родителей. Отсюда нарастает потенциал протеста против существующего положения, стремление построить более совершенный, приемлемый для молодежи мир. Структурно-функциональный анализ предписывает молодежи социальную транзитивность, необходимость политического взросления, которое и может содержать риски молодежного радикализма.

Теоретики постнеклассической социальной мысли (Гидденс, Бек, Бурдье) видят нарастание рисков для самореализации молодежи в современном обществе. Во-первых, образование перестает быть условием, обеспечивающим устойчивую карьеру, а является только «входным билетом» на поезд, движущийся в неизвестном направлении. Во-вторых, нарастающая неопределенность и неэффективность системы социальной интеграции заставляет молодежь искать свои жизненные тропы, что способствует возникновению, нарастанию в молодежной среде альтернативно существующих социальному, политическому, нравственному порядку идей и действий. В-третьих, молодые люди испытывают эффект социальной депривации, когда образование выполняет не столько социализационную, а селективную, номинационную функцию, когда уже на уровне школы происходит социальный отбор, прикрываемый общими фразами о личных достоинствах претендента.

Российская социально-философская мысль (В.Е. Кемеров, Д.В. Петров, Е.А. Гришина, Ю.А. Зубок) ориентирует на то, что в современном обществе молодежь является группой риска, что социально-воспроизводственная функция молодежи сужена, реально существует расхождение между жизненными планами молодежи и теми возможностями, которые предоставляет для ее социальной самореализации и политической самоорганизации государственная молодежная политика и реальное состояние социально-политической сферы общества. Поэтому, для молодежи так свойственен

политический индифферентизм, недоверие к политическим партиям и движениям, к образцам официальной политической культуры и стремление найти свою нишу в общественно-политической жизни, выразить свою позицию, подчас, крайне радикальными и экстремистскими взглядами и действиями. Молодежный радикализм отличается политическим нигилизмом, позиционирующим неприятием норм и взглядов взрослого поколения, так и политическим поведением, которое может вызвать негативные социальные последствия.

В российской социальной философской мысли сложилось три подхода к проблемам молодежного радикализма. Первый, который можно назвать социально классовый, исходит из того, что молодежь в российском обществе относится к группе социальной депривации и риска и в современной России не существует внятной государственной политики, которая бы способствовала интеграции молодежи в общество и направляла на общественное благо ее социальный потенциал. По мнению М.Н. Руткевича, Д.В. Петрова, Э.А. Макаревича, российская молодежь, несмотря на внешние признаки социальной апатии и группового эгоизма, быстро политизируется, и этот процесс принимает деструктивные, с позиции социальной стабильности, формы, в виде социального исключения и частичного участия в деятельности радикальных организаций.

Второй подход, который продолжает традицию структурного функционализма (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, С.В. Полутин), исходит из того, что российская молодежь как субъект социального воспроизводства не достаточно включена в общественные процессы в силу неадекватности интеграционных социальных и социально-профессиональных механизмов и отсутствия интегральных, ценностно-деятельностных ориентаций молодежи, склонности ее к девиантному поведению [2, с. 39]. Российская молодежь является периферийной социальной группой, ее конструктивный потенциал не используется, так как этому мешает узость рынка труда, отсутствие запросов общества на социальную активность молодежи. Таким образом, российские ученые Ю.А. Зубок, С.В. Полутин делают выводы о двойственной роли молодежи в российском обществе, согласно которой молодежь выступает как субъект социальной активности и содержит позиции социального риска, связанные с воспроизводством в молодежной среде радикальных настроений.

К сторонникам третьего подхода можно отнести Г.А. Чередниченко, Л.И. Ионина, которые утверждают, что молодежный радикализм связан с особенностями молодежной субкультуры. Молодежные субкультуры отличаются тем, что характеризуются элементом инновационности, выработки новых ценностных критериев, и соответствуют особенностям мировоззрения молодежи. Социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи. Экстремальные формы реакции на окружающую действительность связаны с завышенными ожиданиями, присущими молодежи. Если увеличивается разрыв между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения, то агрессивные установки и экстремизм возрастают.

Таким образом, молодежный радикализм исследуется в классовом, структурном и ценностном измерениях. Анализ существующих теоретико-методологических подходов к проблеме молодежного радикализма (дескриптивный, нормативистский, структурно-функциональный) показывает, что, несмотря на несомненные теоретические результаты и обобщения в осмыслении феномена молодежного радикализма, целесообразно выдвинуть субъектно-деятельностный подход, который анализирует молодежный радикализм через выявление когерентности социальных, политико-организационных, идейно-нравственных позиций. Под экстремальностью как сущностной характеристикой молодежи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностями в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние [3, с. 58]. Экстремальные направления проявляются во всех сферах жизнедеятельности молодежи – в образовании, труде, бизнесе, политической жизни, досуге, в личностном и социальном

самоопределении. Молодежный радикализм опирается на весомые идейно-нравственные мировоззренческие и политические аргументы, претендует на статус инновационной силы, способной встряхнуть политическую и социальную рутину. Уровень и направленность экстремальных настроений непосредственно связаны с изменением социального положения молодежи. Негативный характер изменений социального положения молодежи становится причиной реализации экстремальных настроений в радикальных экстремистских проявлениях поведения, в радикализме. Молодежные радикальные направления выступают как определенные социальные, социально-политические и культурно-духовные общности, имеющие определенные базисные диспозиции на место молодежи в российском обществе в целом, оценки состояния российского общества как общества, достойного разрушения или коренной трансформации. Таким образом, молодежные радикальные направления выступают как внесистемная оппозиция, ориентированная на реализацию альтернативных проектов существующим моделям социального и политического порядка.

Следует подчеркнуть следующие особенности становления и развития молодежного радикализма в постсоветском российском обществе, которые состоят, во-первых, в определенном запаздывании по сравнению с «западным» радикализмом и, во-вторых, в преемственности традиции «классического» русского радикализма. Молодежный радикализм в российском обществе сформировался в условиях «стихийной» демократизации, политической мобилизации целых слоев населения и по сравнению с зарубежными современными аналогами наследует традиции русского радикализма (эффект «нечаевщины») и претендует на политическую исключительность на основе отклонения конформизма системных политических сил и предложения обществу альтернативных проектов социального и духовного «обновления», состоящих в реконструкции мифологем русского и зарубежного радикализма.

Молодежный радикализм представляет «коктейль» обыденных предрассудков, политических идеологем, и иррациональных философских конструктов, четко улавливает барометры социального настроения. Молодежные радикальные направления выступают, как структуры, претендующие на слом существующей государственной машины и преобразование общества на основе принципа социальной анархии и переделки «конформистской» личности. Существование молодежных радикальных направлений в социальной и политической жизни российского общества определяется социальной аномией молодежной среды, а также традициями русского и зарубежного радикализма. Несмотря на периферийные позиции в социальной жизни, молодежные радикальные направления претендуют на роль движений контридентичности, реализующих инновационный потенциал молодежи для достижения целей социальной нестабильности и паралича государственной власти.

Молодежные радикальные направления представляют духовные и социально-политические общности, построенные по принципу жесткой иерархии и непрозрачности для «других», тотального контроля над настроениями и устремлениями участников, тенденциями вождизма по отношению к рядовым участникам и к обществу в целом.

Молодежный радикализм политической жизни современного российского общества характеризуется претензией на роль новой социальной и политической силы, «условного» сотрудничества с внесистемной политической оппозицией и политической активностью в виде эффектных политических акций, что маргинализует молодежный радикализм и усиливает его зависимость от политической конъюнктуры.

Молодежные радикальные направления в современной России можно классифицировать на основании идейно-политического критерия (националистические, религиозно-фундаменталистские, анархистские, ультралевацкие), а также по функциональному признаку (партнерские, альтернативные, провокативные, мобилизационные), что указывает, с одной стороны, на мозаичность, неоднородность молодежных радикальных движений, с другой – на воспроизводство маргинальных политических позиций, связанных с обращением исключительно к «бунтарской» молодежи и риторическим политическим дискурсам.

Перспективы развития молодежных радикальных направлений в России целе-

сообразно рассматривать в контексте государственной молодежной политики, которая на современном этапе совмещает методы информационной и политической блокады, использования механизмов правового предупреждения и принуждения, «перехвата лозунгов», что свидетельствует о недооценке потенциала молодежных радикальных направлений и должна быть переосмыслена с позиции диалога с массовыми участниками молодежного радикализма, нейтрализации экстремистских течений и настроений в молодежной среде, ростом активности и влияния молодежных гражданских ассоциаций, выражающих интересы молодежи как самостоятельной социально-возрастной и социокультурной группы.

Ссылки:

1. Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. М., 1994.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. *Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования*. 2008. № 5.
3. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильям К. *Молодежь в обществе риска*. М., 2001.